

ЛАЙЗА ФОКС

ВЫБОР
специального
назначения

Парни из спецназа

Лайза Фокс

Выбор специального назначения

«Автор»

2026

Фокс Л.

Выбор специального назначения / Л. Фокс — «Автор»,
2026 — (Парни из спецназа)

Рапира. Позывной в спецназе – всё, что про меня надо знать. В характеристике написано "решительный, честный, целеустремлённый". И всё это правда. Мужчины смотрят на меня с уважением, женщины флиртуют. Но только не она. Девушка в платке опускает взгляд, говорит тихо, сторонится и, придя в ужас, отказывается от подарка. Друг говорит, что Алия другая, и с ней нельзя нахрапом. Но я не привык отступать ни на службе, ни в жизни. Мой ответ: "Была ваша – станет наша". И я не отступлюсь, даже если придётся штурмовать небеса. Продолжаем спецназовцев. Легко не будет, но на то они и спецназ ;*)

© Фокс Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
Алия	6
Цель	8
Сорвалось	11
Совет	14
Подготовка к свадьбе	16
Задание	18
В чём отличие?	20
Наблюдение	23
Хочу шишку!	25
Сначала семья	28
Тыл	30
Гости	33
Всё меняется	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Выбор специального назначения

Аннотация

Рапира. Позывной в спецназе — всё, что про меня надо знать. В характеристике написано «решительный, честный, целеустремлённый». И всё это правда. Мужчины смотрят на меня с уважением, женщины флиртуют. Но только не она.

Девушка в платке опускает взгляд, говорит тихо, сторонится и, придя в ужас, отказывается от подарка. Друг говорит, что Алиа другая и с ней нельзя нахрапом. Но я не привык отступать ни на службе, ни в жизни.

Мой ответ: «Была ваша — станет наша». И я не отступлюсь, даже если придётся штурмовать небеса.

Алия

— Поля, нам нужен букет! — рявкнул я, первым из нашей троицы добежав до цветочного павильона в детском центре «Солнышко».

Опаздывая на службу, я ожидал увидеть улыбчивую полноватую продавщицу, которая всегда держала пару букетов про запас. Но сегодня в цветочном отделе было пусто.

Снизу раздался стук, потом писк, и из-под прилавка вынырнула незнакомая тоненькая девушка с тёмными, почти чёрными глазами. На ней было платье зелёного, похожего на камуфляж цвета с длинными рукавами. Голову и шею закрывал платок того же цвета.

— А Полина где? — удивился я.

— На выходном, — тихо, почти шёпотом ответила девушка и моментально опустила глаза.

В три широких шага я прошёл мимо витрины, вернулся к продавщице.

— А готовых букетов нет?

— Нет, — ещё тише ответила девушка. — Но я могу составить.

— Вот же! — не удержался я.

Она замерла с опущенными глазами, словно я её отругал, и девушка чувствовала себя провинившейся. Не поднимая головы, перебирала цветочные стебли. Теперь я не видел её глаз, только плавный изгиб плеча и быстрые, умелые руки с тонкими пальцами.

Время поджимало. Ответственный за поздравления Бомба был на выезде, и мы узнали о дне рождения кадровички Ольги Петровны уже по пути на службу. Других цветочных, работающих с семи, не было.

Нам надо было успеть до построения, но полки с готовыми букетами пустовали. Задача стояла, ресурсов не было. А обижать начальницу отдела кадров в наши планы не входило. Когда подбежали Ахмад с Лёхой, я скомандовал:

— Ладно! Давай что-то простое и быстрое, но чтоб нормальный букет.

Девушка застыла. Не поднимая взгляда, она едва заметно раскачивалась из стороны в сторону, словно решая, в какую сторону бежать. Ситуацию спас Ахмад.

— Асаламу алейкум, — сказал сослуживец так спокойно, словно не бежал вслед за мной, а прогуливался мимо.

Это обращение было будничным и основательным. И я вдруг остро почувствовал разницу между нами. Для Ахмада этот жест был нормой. Для меня — странным ритуалом, который я готов был уважать, но смысла в нём не видел.

Продавщица на секунду подняла голову. Огромные, тёмные, с длинными ресницами глаза девушки нашли Ахмада. Цветочница облегчённо выдохнула и снова отвела взгляд вниз, словно стеснялась.

— Ваалейкум ассалам, — ответила она тихо. Почти шёпотом.

Я, решив ускорить процесс, поставил задачу:

— Нам нужен букет. Срочно. Начальнице отдела кадров. Ей пятьдесят два, любит порядок, терпеть не может розы. Ненавидит жёлтые, когда у неё муж в командировке, потому что они к разлуке. Ещё ирисы любит, но для них сейчас не сезон. Соберите нам букет и поторопитесь, пожалуйста!

Девушка моргнула. Я видел, как она нервно теребила край платка. Посмотрела на стеллаж, потом на Ахмада, потом снова вниз. Я вдруг почувствовал себя слоном в посудной лавке.

Непривычное ощущение. На меня всегда смотрели с уважением или привлекая внимание, флиртуя. А она — не знаю... Смутилась? Я был слишком громким, слишком быстрым, слишком чужим для неё.

— Ты тише, Ром, — сказал Ахмад вполголоса, кладя мне руку на плечо. — Она не привыкла к такому напору.

Он повернулся к девушке и спросил мягко, почти по-отечески:

— Сестра, как тебя зовут?

Девушка на мгновение подняла глаза и улыбнулась краешком губ. И от этой улыбки у меня заныло в груди. А девушка отодвинула свисающий конец платка и показала бейджик.

— Алия, — прочитал я вслух, опережая её.

Ниже маленькими буквами было написано: «Педагогический институт, практикант».

Девушка кивнула.

— Алия, — повторил Ахмад, будто стараясь успокоить кошку. — Красивое имя. Слушай, Алия, нам правда надо быстро. Что у тебя есть из того, что можно собрать за пять минут? Без пафоса, но со вкусом.

Она выдохнула. Плечи опустились — будто Ахмад снял с неё невидимый груз.

— Лилии ароматные. К ним альстромерии, — ответила она уже увереннее, едва обозначая движения рукой в сторону стеллажей. — Они стойкие и симпатичные. Добавлю зелень и пару веток гипсофилы. За пять минут управлюсь.

— У нас семь минут, если бежать, — сказал Лёха, не поднимая глаз от телефона.

Я махнул рукой:

— Собирай, Алия. Я доверяю.

Она кинулась к вазам с цветами. Я смотрел, как её тонкие пальцы перебирали стебли. Как умело и быстро она отрезала лишнее, заворачивала букет и завязывала ленту. И понял, что не могу отвести от неё взгляда.

Ловил, как она склоняла голову, как тень от густых чёрных ресниц падала на скулы. Как едва заметно шевелились её губы, когда она считала про себя цветочные стебли.

Алия. Я повторил это имя мысленно. Алия.

Ахмад отвёл меня в сторону и сказал вполголоса:

— Ты тише с ней, не надо так. Она другая. Она наша.

И снова сжалось в груди. Появилось чувство, что у меня попытались отобрать то, что я однозначно уже считал своим. Во мне поднялась волна протеста. Я посмотрел Ахмаду в глаза.

— Была ваша, — ответил я чётко, не отрывая взгляда от Алии. — Станет наша.

Она закончила букет, но в руки не дала, положила на прилавок. Подняла голову, и, услышав мой ответ, впервые за всё время удивлённо посмотрела мне в глаза. При этом выпрямилась и непокорно вздёрнула подбородок.

Цель

С букетом мы успели точно на построение. Передали цветы замком и поздравили кадровичку. Ольга Петровна даже прослезилась. Сказала, что давно не видела такого красивого букета. И что наше внимание всегда приятно.

А потом всё пошло по плану. После утренней пробежки нас разобрали по классам старшие офицеры. Разбирали предыдущие выезды, распределяли сегодняшние группы. Но что бы я ни делал, думал про девушку из цветочного.

Алия. Необычное имя. Алия. С этим именем я переходил из класса в класс. С ним вышел на стрельбища. Подход, упражнение, выход. Где-то на третьем возвращении к стрельбищу я поймал себя на том, что смотрю в одну точку и не слышу команды.

Алия.

Тонкие пальцы, перебирающие стебли. Тень ресниц на скулах. И этот удивлённый, долгий, непокорный взгляд в самом конце. Будто она впервые меня увидела. А до этого всё глаза отводила. Не понравился?

Я промазал по мишени. Кедр удивлённо поднял бровь — я никогда не мазал, а тут прямо в молоко.

— Рапира, ты где? — Ахмад подошёл ближе.

— Здесь я, Барс, — буркнул я, вынимая обойму и выкладывая пистолет на стол.

— Не похоже. Ты сегодня сам не свой. С утра на цветочницу уставился, теперь мимо мишеней лупишь.

— Не уставился, — огрызнулся я, хотя сам знал, что боец прав.

Ахмад вздохнул. Убрал оружие, снял перчатки.

— Ром, ты просто не понимаешь. Девушки в хиджабе другие. Ты с ними не по правилам играешь. Они не привыкли к такому напору. К ним нахрапом нельзя.

— А я что, напором беру? — искренне удивился я. — Я просто купил букет.

— Ты рывкнул на неё с порога. Требовал, командовал. Она не Полина или Галя, Ром. Ты для неё слишком громкий. И она для тебя... — он замялся, подбирая слова. — Она для тебя будет недостаточно активной.

— Это мы посмотрим, — ответил я, хотя внутри всё кипело.

Недостаточно активной? Да я и не стриптизёршу ищу. Мне эта тихая, с её чёрными глазами и быстрыми пальцами, зачем-то стала нужна. Сам не понимал зачем, но аж до трясучки.

Ахмад вздохнул с обречённостью человека, который уже знает, что спорить бесполезно.

— Ты просто не понимаешь, во что ввязываешься, Рома.

— Пойму. Я быстрый.

Это было и правдой, и ложью одновременно. Потому что в секунду, когда Алия подняла глаза и на мгновение встретилась со мной удивлённым непокорным взглядом, я понял, что ни черта я не быстрый. Здесь скорость не поможет.

— В этом и дело, — продолжил Ахмад, словно озвучивая мои мысли. — Ты ломишься напролом, а с нашими так нельзя. С ними надо чётко соблюдать правила. Как у тебя во взрывном деле. Точное соотношение и пропорции. Чуть перебрал, и рванёт. А ты нашу таблицу Менделеева не понимаешь.

— Пойму, — упорствовал я.

— У тебя нет шансов. Наши выбирают наших.

— Я ей понравлюсь, — упрямо ответил я.

Ахмад снова вздохнул.

— В том-то и дело, Рапира. У наших выбирать будет не девушка, а её семья. Отец будет выбирать, понимаешь? И как он скажет, так и будет. А он предпочтёт своего по вере, диаспоре и укладу. Другого не будет, будь ты хоть сто раз хороший парень.

Я упрямо мотнул головой.

— Посмотрим. Сначала надо девушке понравиться. Если ей не понравлюсь, какая разница, что обо мне будет думать её отец?

Ахмад покачал головой.

— Ты упрямый, ты выбился во взрывотехники, но тут надо другое. Я тебя предупредил, Ром.

— Что?

— Ничего. Просто... Будь осторожен.

— С ней? — спросил я, не оборачиваясь.

— С собой, — ответил Ахмад, качнув головой в сторону стрельбищ. — Не теряй форму. А то с девушкой ещё, может, и не увидишься, а по службе уже мажешь.

И вот это было справедливо. В обед я нырнул в душ. Постоял под ледяной водой, пришёл в себя. Вернул концентрацию — и в спаррингах был собранным и даже новый приём отработал. А после службы рванул в «Солнышко».

Но Алии там не оказалось. За прилавком с призывной улыбкой стояла пышечка Полина.

— О, Роман! — обрадовалась она. — Опять букет нужен?

— Нет, я... — Мне впервые сложно было подобрать слова. — А где новенькая? Которая утром работала. Такая, в платке.

— Алиа? — Полина понимающе кивнула. — Она до обеда была. У нас теперь плавающий график.

— А завтра она будет? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Не знаю. Нам теперь только утром говорят, кто в какую смену. Что-то хозяин мудрить начал.

— Понятно.

С Полиной мне больше не о чем было говорить. Я развернулся и вышел. На улице остановился, перевёл дух. Плавающий график. Отлично. Просто отлично.

Но сдаваться я не собирался. Приходил трижды до службы, но Алию не заставлял. А вечером был или с задания, или вовсе домой не возвращался. Полина надо мной сжалась. Хитро прищурившись, протянула мне листок с номером.

— Если наберёшь мне, смогу по утрам отправлять смс-ки, кто в какую смену, а то ты тут полы протопчешь перед прилавком.

Я обрадовался, словно выиграл в лотерею. И когда получил сообщение «Алия сегодня с 7», примчался к самому открытию детского центра. Но теперь входил медленно, чтобы не спугнуть. Старался затормозить движения.

— Доброе утро, — начал я.

Девушка вскинула на меня свои почти чёрные глаза и моментально потупилась.

— Доброе утро, — тихо ответила она. — Вам нужен ещё один букет?

В груди потеплело — вспомнила меня. Может, тоже думала.

— Нет. Пришёл сказать спасибо за предыдущий. Кадровичке понравился. Ольга Петровна велела целовать ручки мастеру по букетам.

Девушка взглянула на меня, смутилась и снова опустила глаза. Но уголки её губ дрогнули в тонком намёке на улыбку.

— Спасибо. Что-то ещё нужно?

— Познакомиться. Меня Роман зовут.

Девушка едва заметно качнулась назад, бросила быстрый взгляд по сторонам.

— Это лишнее. Я могу только по работе разговаривать. Если вам больше ничего не нужно, я буду цветами заниматься.

Алия кивнула, обозначив поклон. Словно точку поставила. Не поднимая взгляда, скользнула к полкам с вазами, а я судорожно придумывал, что можно сделать.

На боковой витрине увидел плюшевые игрушки, шоколадки и конфеты. Улыбнулся. Идея созрела моментально, и я потянулся к мягкому медвежонку.

— Алия, — позвал продавщицу будничным тоном. — У меня к вам служебное задание.

Сорвалось

— Чем я могу помочь?

Алия снова подошла к моему краю прилавка. Но не вплотную, а так, на расстоянии. Будто опасалась меня и пряталась за этой стекляшкой. Вот наивная. Если я захочу, перемахну её даже без разбега.

Но девушку барьер между нами устраивал. И я тоже внутренне улыбнулся. Если противник спокоен и расслаблен, у нас есть преимущество. Поэтому бдительность надо было усыплять качественно.

— Вот у вас тут всякое на витрине. Это для чего? Вы же цветами торгуете.

Девушка кивнула и снова только обозначила углами рта улыбку.

— Это в добавление к букету. Например, мягкие игрушки можно прямо в цветах закрепить. А конфеты вручить просто так. Или вставить между цветами. Кому как нравится.

— А для кого это? Для девушки на свиданье пойдёт?

— Конечно. — Её лицо стало мягче. Она едва заметно улыбнулась чему-то своему. — Медвежат и котят девушки любят. И к сладкому хорошо относятся, даже если на диете. И потом, — она уверенно качнула головой, — цветы завянут, а игрушка останется. Да и коробочка от конфет красивая. В ней потом можно хранить какие-то мелочи. У девушек бывает разное. Заколки или там бусинки для рукоделия.

Мне показалось, что, говоря со мной, она мечтала о своём. О каких-то девичьих радостях.

— А вы занимаетесь рукоделием?

Лицо девушки моментально ожило. Она оживилась. Резко подняла глаза, взглянула с упоением, и у меня в голове щёлкнул детонатор. Она тут же опустила глаза, но я успел заметить. Она вообще не тихая! Она огненная за этим занавесом ресниц!

— Я на преподавателя технологии учусь. Заканчиваю уже. Я знаете сколько всего руками умею! И шить, и вышивать, и конструировать. Даже вязать, прясть и валять, — продолжила девушка.

— Дурака? — не понял я.

— Войлок! — хихикнула Алия. — Знаете, такие бывают мягкие брелочки на ключи или игрушки в домах, похожие на разноцветные валенки на ощупь? Это войлок. Его специальными иголочками уплотняют и собирают в нужную форму ёжиков, медвежат, бельчат и заек.

— А здесь подрабатываете? — уточнил я.

— Нет, конечно! — она возмущённо отшатнулась. — Практику прохожу. Сбор букета — тоже рукоделие. Да и удобно: от дома недалеко, а когда отработаю, мне поставят часы. Да и новый навык пригодится. У сестрёнки свадьба скоро. Смогу помочь с цветочными композициями.

У неё даже щёки порозовели от восторга. Сразу было понятно, что её это восхищает, увлекает и радует. И что она не рыба мороженная, а прячется у самого дна. Старается не выдать своей пылкости.

Запомним.

Будто услышав мои мысли, Алия спохватилась. Провела ладонями по ткани своего длинного платья, словно разглаживая несуществующие складки. Разглядывая пол перед собой, спросила:

— А вам что нужно?

— Мне какой-то милый подарок для девушки.

— Какие-то особые пожелания?

— Соберите на ваш вкус.

Она кивнула, деловито шагнула к витрине. Осмотрела ассортимент.

— С цветами?

— Давайте сегодня без них.

— Тогда возьмите вот этого медвежонка. Он миленький и небольшой. Девушкам иногда неудобно с крупными игрушками. Их некуда ставить. А маленькую можно и на подоконник, и на тумбочку у кровати.

Она взяла в руки шоколадного пушистого медведя размером с половину листа для принтера. Скользнула взглядом по полкам. Склонила голову набок, словно прислушиваясь к собственным мыслям. Я следил за каждым жестом.

— Можно ещё конфеты.

— Какие лучше?

— Вот эти, — Алия указала пальцем на коробку с ассорти. — Там молочные с орешками.

— А другие?

— Они с помадкой. Их лучше не берите. Она на любителя.

Алия поджала губы и на секунду сморщила нос. Я внутренне усмехнулся. Понятно. Что ж тут не понять? Не нравятся ей с помадкой. Запомним.

— Что ещё посоветуете? — спросил я, уже предвкушая удовольствие от сюрприза.

— Если финансы позволяют, — на этом месте девушка смутилась и нахмурилась, будто испугалась, что вторглась в личное пространство. — То можно всё сложить вот в такой подарочный пакет и украсить бантом.

Она замерла, ожидая моей реакции. Я миролюбиво продолжил:

— Позволяют. Упакуйте, пожалуйста, красиво. Хочу, чтоб девушке понравилось.

Алия облегчённо выдохнула и сорвалась с места. Она принесла розовый с прозрачным окошком пакетик. Выложила на прилавок несколько лент и кружево. Приложив их к упаковке, оставила только три.

А потом сворачивала, подгибала, заматывала. Я смотрел на порхание её тонких пальчиков, как заворожённый. Смотрел, как на лице вспыхивают блики радости. Когда закончила, на секунду взглянула мне в глаза. И я почувствовал, что и сам счастлив.

— Вот. Всё готово.

Только теперь я перевёл взгляд на подарок. В розовом пакете, как в витрине, красовался медвежонок на фоне коробки конфет. Сверху к подарку был привязан роскошный бант.

Не отрываясь взглядом от подарка, я оплатил покупку. Алия стала какой-то светящейся. Было видно, что ей понравился результат. Она смотрела на подарок мечтательно.

— Пусть вашей девушке понравится, — сказала она.

Сдвигая пакет в мою сторону, Алия всего на секунду поджала губы. И мне так захотелось, чтобы это был намёк на ревность к несуществующей девушке. Я улыбнулся и переставил подарок ближе к ней.

— А это вам, — сказал я.

Алия замерла.

— Что? — прошептала она.

— Вам, — повторил я. — Нет у меня никакой девушки. Это для вас.

Она охнула. Посмотрела на меня, впервые не отводя глаз. В них был не просто страх. Ужас. Настоящий, живой ужас.

— Я не возьму, — сказала она глухо, выставив перед собой руки и делая шаг назад. — Это неправильно.

— Почему? — спросил я, хотя уже догадывался.

— Потому что... — Она запнулась, опустила руки, стараясь выглядеть спокойно, но кисти в кулаки сжала. — Я не могу брать подарки от мужчин. Это плохо скажется на моей репутации. Моя семья... — Она не договорила.

— Никто не узнает, — сказал я тихо.

— Аллах узнает, — ответила она так же тихо и, опустив взгляд, добавила почти шёпотом:
— И моя совесть.

Она решительно шагнула к прилавку и сдвинула подарок в мою сторону. Её пальцы дрожали.

— Заберите, пожалуйста. Я не могу.

Я смотрел на неё. Она стояла, опустив голову, и я видел, как тяжело она дышит. Будто я не игрушку подарил, а собрался ударить.

— И нет никаких возможностей сделать вам подарок?

Она решительно мотнула головой из стороны в сторону.

— Нет! — А потом добавила еле слышно: — Заберите, пожалуйста. У меня будут неприятности.

И в её лице появилась такая беззащитность, что захотелось самому себе врезать между глаз, чтобы не обижал девушку.

— Хорошо, если вам так надо, — сказал я и забрал пакет.

Алия выдохнула. Плечи опустились, а из лица ушло напряжение.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо, что понимаете.

Я не понимал. Вообще ничего не понимал. Но спорить не стал. Я бы сделал что угодно, только бы она не смотрела на меня как на насильника. Я и взглядов-то таких никогда не видел.

Будто я ей не конфеты предложил, а переспать на виду у посетителей детского центра. Хотя половину моих знакомых и это не привело бы в ужас. Решили бы попробовать для остроты ощущений.

А эта испугалась так сильно, что мне стало стыдно. Хотел же как лучше! Всегда прокатывало! Даришь подарочки, ведёшь в кафешку. Дальше — общение без проблем. Хотя и без конфет можно.

А с этой сработало наоборот!

Злясь на себя, я широкими шагами дотопал до проходной. Приложил карточку и шагнул на территорию. Но и тут мне не повезло. Прямо перед КПП стояли наши бойцы.

Они моментально оценили и мою недовольную физиономию, и розовый пакетик с развевающимся бантом. Бомба присвистнул. А Ахмад, разочарованно вздохнув, пошёл в сторону входа. Я двинулся следом.

Думал, что ничего хуже пустой мишени и командирской взбучки нет. Но оказалось, что большее, когда девушка смотрит на твой подарок как на преступление, а на тебя как на насильника.

И это просто взорвало меня изнутри!

Совет

На службе некогда думать. После пробежки сегодня было плотное физо. Спарринги выбивали из головы все лишние мысли. Там приходилось выкладываться по полной.

Ещё и Каспер достался в противники. Он ниже меня сантиметров на тридцать, и человеку неопытному показалось бы, что для меня это преимущество. Но у Олега невероятная гибкость, прыгучесть и изворотливость, а мне приходилось двигаться, согнувшись пополам.

Андрюха, которого Каспер уделал передо мной, бурчал себе под нос:

— Дали бы кого-то подходящего по весовой категории или хотя бы по габаритам.

— Не позорься, — вынырнул из раздевалки Кобра. — А на задании ты что будешь говорить, если тебе попадётся такой Каспер? «Простите, уважаемые преступники. Я вас задерживать не буду. Сейчас привезут кого-то соответствующего вам по комплекции, и он вас скрутит». Так ты это себе представляешь, да?

— Каспер на светлой стороне, — продолжал бурчать Андрюха, растирая ушибленный локоть и самолюбие заодно.

— Вот и тренируйся с ним, чтобы потом не стонать на выезде, — осадил его Кобра. — И молодняку не показывай пример нытья. А то вон — полоса препятствий в круглосуточном доступе. Боекомплект в зубы — и на марш-бросок.

Андрюха тут же подобрался и двинулся к груше в углу. Лучше тренироваться тут, чем на полосе препятствий. Вообще всё лучше, чем там. Ну, кроме выезда, разумеется.

И пока я был загружен так, что едва успевал выровнять дыхание, всё было нормально. А когда отпустили на перерыв, снова приуныл. Потому что перед глазами стояли розовый пакет с бантом и перепуганные глаза Алии.

— Не срослось?

Ахмад плюхнулся на скамейку рядом и вытянул ноги вперёд. Я оперся локтями о колени и зыркнул на него недобро.

— Она в ужас пришла. Я ей игрушку протянул с конфетами, а она смотрела, будто я бомбу под прилавок бросил.

— А я тебе говорил, — вздохнул Ахмад. — Нельзя так. С нашими нельзя.

— Почему? — спросил я, разворачиваясь к нему лицом. — Объясни нормально. Не про «репутацию» и «Аллах узнает». А по-человечески. Почему она испугалась?

Ахмад помолчал. Тоже согнул ноги в коленях и упёрся локтями. Сгруппировался.

— Потому что для неё подарок от мужчины — угроза. Это обязательство. Если она возьмёт, ты будешь думать, что она что-то должна. А она не может быть тебе должна. Она не может быть должна никому, кроме своего будущего мужа и своей семьи.

— Я не считал бы, что она мне должна. Я дарил от чистого сердца, а не чтобы обязать. Ты же меня знаешь.

— Я знаю. А она не знает. Она видит чужого, громкого, настойчивого мужчину и думает, что это с умыслом. И если она возьмёт, то ты решишь, что она согласна. А она не согласна. Она не может быть согласна. Потому что не она решает.

— А кто решает? — упорствовал я.

— Отец, конечно, — сказал Ахмад. — Семья. За неё всё решают другие. И она боится сделать шаг, который они не одобряют. Потому что шаг в сторону — это падение. И потом можно лишиться поддержки семьи. Остаться одной — что может быть хуже?

— И что мне делать? — спросил я.

— Отойти в сторону, — пожал плечами Ахмад. — Найти свою девушку из ваших. Хорошую. Их тоже много. Просто надо присмотреться внимательно. Выбирать не на гулянках, а в деле.

— Не хочу их, — сказал я.

— Знаю, — Ахмад вздохнул. — Потому и вляпался.

— Да я же всё правильно делал. Пришёл тихо, поздоровался. Не давил. Дал ей выбрать самой, то, что нравится. Оплатил и подарил. А она испугалась, понимаешь?

— Понимаю. А чего ты хотел добиться? — спросил он.

— Чтобы ей было приятно, — ответил я.

— А ей было страшно. Не одно и то же, Ром.

— Да понял я уже!

Я дёрнулся и начал сматывать эластичный бинт с колена. Ахмад качнул головой. Изучал меня долго, прищурившись. Потом кивнул, принял, что я не стал спорить или оправдываться. Увидел, что хотел понять.

— Она тебя не знает, — сказал Ахмад. — Ты для неё — чужой мужчина. В её мире так не начинают. В её мире сначала смотрят. Долго. Издалека. И все вопросы решаются мужчинами. Её отцом. Будущим мужем. Но не ею.

— Но это же бред! — я не удержался. — Не в каменном веке живём.

— Чудак ты человек, — Ахмад усмехнулся. — Если тяжёлая сумка, то любая женщина захочет, чтобы донёс мужчина, не только наша. Отношения — тоже мужская ноша, Ром. Не в смысле «тащи», а в смысле «обеспечь защиту». А она и не приучена с мужчинами общаться, и не умеет. Значит, боится.

— Значит, надо научить, — упрямо сказал я.

Ахмад склонил голову набок.

— Значит, не надо напрягать. Нагружать непосильным. Ты бы новобранцу с ходу норматив спецназа дал?

Я промолчал. Потому что он был прав.

— Значит, надо постепенно приучать?

Ахмад снова качнул головой, но уже с досадой.

— Не понял ты ничего. Как думаешь, надо девчонок натаскивать на тест Купера? Не сразу, а постепенно, например, за год.

— Глупость, — фыркнул я. — Им это даром не сгодится, да и тяжело. Да и не про физио я говорил, а про общение.

— И я про него. У наших девушек нет необходимости общаться с чужими мужчинами. Это и бесполезно, и тяжело. Наша девушка из понятного мира, выстроенного отцом, перейдёт в дом мужа. Другие ей не нужны. Они как латынь: слова есть, но язык мёртвый, ненужный. Ей на всю жизнь надо будет выучить язык мужа. И чужие мужчины нашу девушку только пугают и напрягают. Лишняя нагрузка, а больше ничего.

Ахмад замолчал.

— И что мне делать? — спросил я.

— Главное, чтобы ты понял, чего тебе НЕ делать.

Кобра хлопнул в ладоши, и мы продолжили спарринги. Хотя мысль Ахмада мне казалась глупой, я пытался её понять. У меня было ощущение, что затвор заклинило намертво, а перестать давить на курок я ещё не мог.

Подготовка к свадьбе

Дом дяди Расула встретил меня запахами выпечки и свежесваренного чая. Мама сидела рядом с тётей Зухрой в кухне на диване. Сестра Самира устроилась рядом на стуле с высокой спинкой. Пили чай с булочками.

Мне нравилось тут бывать. В доме папиного брата, как и у нас, было всегда тихо, словно время переставало бежать вскачь и замедлялось, как горная река, вырвавшаяся на равнину и текущая теперь по широкому руслу.

Сегодня в жестах и словах родственников была заметна нервозность. Самира то и дело перелистывала картинки на планшете. Показывала их тёте Зухре и маме. Когда я вошла, все подняли головы.

— Заждались тебя, Алиа, — тихо сказала тётя.

— Пришла сразу после работы.

Тётя Зухра озабоченно покачала головой.

— И что Махмуд тебя поставил к прилавку, как нищую? Не жалеет тебя отец, да, Алиа? Люди бывают разные, и обидеть могут.

Я вспомнила голубые глаза незнакомца по имени Роман. Его порывистость в первую встречу. А потом нарочитую медлительность. Внимание голубых глаз. И его слова: «Это для вас». Но промолчала.

— Мы не в лесу живём. Детский центр — хорошее место для практики, — ответила мама. — Букеты покупают мамочки с детьми. Мужчины почти и не заходят. Мы смотрели по камерам. Жамал нам это место советовал. Ему можно доверять.

Я молча поставила стул рядом с сестрой. Рассказать про происшествие с подарком было недопустимо. Если бы узнал отец или дядя Расул, я бы больше из дома не вышла, не то что на практику.

И так в детский центр запрятали, потому что в гимназии и директор, и завуч, и ещё семеро учителей мужчины. Постоянно вместе, и кабинеты есть, которые на ключ запираются. В цветочном киоске на виду, среди людей. Так безопаснее.

А если меня запрут дома, выйдет плохо. Будет стыдно, что нарушила традицию и не смогла вести себя подобающе. Да и с практикой отцу придётся лезть в глаза к знакомым: поставьте дочке, а то она непутёвая.

Как только я представила сердитого папу, у меня задрожали руки. Буду сидеть дома без выхода. Да и с детьми придётся прекратить занятия. А я уже им пообещала. Они ждать будут.

— Всё равно как-то тревожно, Мариам, — не отступала тётя Зухра. — Уж поскорее бы всех замуж раздать и спокойно внуков нянчить.

— Скоро уже. У тебя младшая, и у меня младшая. Сейчас твою отдадим, потом за моей придут. Давай салфетки складывать на стол. А то три недели быстро промелькнут. Надо будет о другом думать.

Мы с сестрой вскочили на ноги. Быстро убрали со стола. Мне Самира налила сока и протянула блюдо с булочкой; пока сама мыла посуду, бросала на меня беспокойные взгляды. Сестра стала какая-то пугливая перед свадьбой.

Тётя Зухра принесла на кухню гладильную доску. Потом они с мамой достали огромные стопки салфеток и пульверизатор. Мы встали конвейером и начали работать.

Самира сбрызгивала ткань водой. Тётя Зухра проглаживала её и передавала мне. Я продевала салфетку в декоративное кольцо и складывала в замысловатую фигуру. Мама сбрызгивала её крахмальным раствором и выкладывала на стол.

— Как ты хорошо придумала, Алиа, с салфетками. Ни у кого таких красивых не видела на праздниках, — сказала тётя Зухра.

— Спасибо.

Мне было и неловко, что хвалят за доброе дело для сестры, и приятно, что моя идея прижилась. Понравилась старшим. Когда ещё муж начнёт хвалить. А пока было приятно одобрение семьи папиного брата.

— И кольца ты красивые сделала, — подхватила Самира. — Как это называется?

— Сутаж.

— Красиво. Словно не шнуры переплетаются, а золотые полосы. На стол поставим, будут сиять.

У неё на лице появилось такое мечтательное выражение. Даже спина стала прямее. Было видно, что тётя, хотевшая удивлять свадьбой дочери, моей придумке обрадовалась.

— А украшения на вазы? — Тётя Зухра повернулась в мою сторону. — Готовы уже? Или ты со своей практикой не успеешь?

Теперь она рассматривала меня, сурово сдвинув брови.

— Как можно, тётя Зухра, — ответила я. — Уже пятнадцать штук готово. Остались два и одно для букета невесты.

— Ты и для него сделаешь? — пискнула сестра.

— Сделаю. Ты же самая лучшая сестрёнка. Когда братья женились, я ещё ничего толком не умела. Только платки под макхр вышивала. А тебе уж расстараясь.

Самира бросила пульверизатор на диван и кинулась обниматься.

— Чуть с ног не сбила, торопыга! — со смехом ответила я.

— Правда твоя, Алиа, — покачала головой тётя. — Такая у нас Самира порывистая. Хорошо, что уже сговорились. Мужу передадим, спать спокойно стану. А то так и гляди за вами, молодыми. — А потом посмотрела на маму. — Хорошо, что у тебя Алиа рассудительная. К её свадьбе будем готовиться спокойно. Может, на празднике Самиры кому-то она глянется.

Мама на секунду поджала губы. Ей такой подход не нравился. Она выросла в другой семье и считала, что молодые люди сами должны находить себе пару. И никакие сговоры за спиной счастьем не могли помочь.

Но мама была младшей невесткой, и с ней не очень считались поначалу. Только со временем, когда уже и веру приняла, и как рукодельница себя зарекомендовала. Но и то все помнили, что она «не наша».

Мама спорить не стала. Сбрызнула крахмалом очередную салфетку и ответила спокойно:

— Посмотрим. Ей ещё полгода учиться.

А я вдруг представила, как на красивой свадьбе Самиры на меня будут глазеть мужчины, обсуждать, кому я подойду. И светлое девичье желание выйти замуж подёрнулось тревожным предчувствием.

Потому что люди разные. А мне хотелось хорошего. Чтобы сердце не замирало, как у Самиры, а радовалось.

Задание

Служба каждый день разная. Иногда можно целую неделю просидеть в расположении отряда. А можно сутками рваться с выезда на выезд. И это одинаково тяжело.

Хотя кого я обманываю? Сидеть в учебном классе и тренироваться в спортивном зале легче. Потому что даже на спаррингах мы понимаем, что всё это только игра. Ничего значительного тут произойти не может.

Казалось бы, ходи себе на службу, наслаждайся учёбой и спортом, к которому у нас почти врождённая тяга. Но выматываешься гораздо сильнее. Потому что без настоящего дела, к которому нас готовят каждый день, мы чувствуем, что живём зря.

— Рапира, Барс, Каспер, Тигр, Беркут — на выход. После душа в кабинет оперативного планирования.

Нестеров не стал дожидаться нашего ответа. Едва он скрылся за дверью спортзала, мы ринулись выполнять приказ. В крови забурило. Гражданские ищут своё предназначение, мы его выполняем на заданиях.

Это наполняет жизнь смыслом. Оправдывает тяготы службы и даёт силы на выезде, словно переводя нас в режим предельных возможностей. И особой ответственности заодно. Куда же без этого.

Мы не адреналинщики. Мы — последний рубеж закона. Это и гордость, и тяжесть на плечах. Мы никогда именно так не думаем. Но этот смысл спрессован в мгновение после команды старшего группы: «Начали!»

А потом только работа на рефлексх и единственная цель — выполнить задание. А они бывают разные. Любая мелочь может быть важной. И, усаживаясь за столы, мы переглядывались. Ждали. Ловили каждый звук.

— Работаем сегодня в ТЦ «Центральный». Фигурантов трое. Могут появиться с остановки общественного транспорта, с наружной стоянки и из подземного гаража. Внешняя задача: отследить путь появления, транспорт, состав и количество группы. Фиксировать любые мелочи. Действовать поодиночке. Связь через общий чат. Тщательно собирать информацию. В контакт не вступать ни с фигурантами, ни друг с другом. Увидели — прошли мимо.

Мы снова переглянулись. Глаза у всех уже блестели. Сейчас наша группа напоминала псов в предчувствии охоты. Нестеров не торопился нас отпускать. Кончики его русых волос топорщились, словно крохотные иголки ежа. Значит, дело серьёзное.

— Запоминаем фигурантов. Имена и фамилии вам сейчас неважны. В чате и рапорте обозначаем номерами. Первый фигурант.

На экране интерактивной доски появился мужчина лет пятидесяти. Сначала были его фотографии в разных ракурсах: в профиль, анфас, со взглядом из-за плеча. А потом роскошь, которая стала доступна только недавно — видео.

Он жал руки, шёл к машине, резал кусок мяса за столом. Кадры были разного качества, но даже за самый мутный и трясущийся мы были благодарны. Потому что в них были заметны особенности пластики.

По ним можно и в парике опознать, и даже в женском платье. Хотя такого громила сложно представить в девичьей одежде. Но дёрганая походка его и в костюме Деда Мороза этим летом выдаст.

— Надеюсь, всем заметны особенности Первого. Шрам, рассекающий правую бровь, неправильно сросшийся левый мизинец и травму левой ноги, которая сейчас даёт знать шаркающей походкой. — Нестеров совершенно бесстрастно продолжил: — Подстрелили его в прошлом году, а брать будем в этом. Поэтому присматривайтесь. Каспер, этот твой.

— Так точно.

Мы сдержанно кивнули, словно намертво впечатывая в память рассечённую бровь, полноватую фигуру с круглым животом, проседь на висках. А ещё искалеченный мизинец и походку рыбы, насаженной на крючок.

— Фигурант Два. С ним не должно быть вопросов. Рост — метр девяносто семь. Его будет видно в любой толпе. Но опасен и изворотлив больше других. Всегда выходит сухим из воды. С ущербом для окружающих.

Бойцы группы напряглись. С ущербом. Значит, были потери от контакта с этим длинным блондином. Я буду ниже, хотя чаще всего смотрю на всех сверху вниз. Значит, мой взгляд будет чуть вверх.

Я попробовал приподнять голову. Шея отозвалась ноющим сигналом от незнакомой позиции. Запомним. И вот этот его жест, когда наклоняется вперёд. Словно автомат ловит.

— У Второго опыт работы в горячих точках. Его ребята из Сибири передали. Он с чужой земли, но здесь как свой. Действует дерзко. Работать по нему чисто. Не лезть в близкий контакт. Наблюдать издалека. Барс, этот твой.

— Так точно.

— Третий фигурант — девушка. Но, чтобы сразу развеять ваши сомнения, покажу вот это.

Нестеров щёлкнул по доске, и мы увидели фото. Блондинка с высоким хвостом стояла в кимоно на пьедестале с тремя медалями на шее. В руках держала грамоту и статуэтку областных соревнований по единоборствам.

— Неоднократная чемпионка области по айкидо. Руками не трогать. Не приближаться. Не вступать в контакт, не флиртовать. И, главное, не пропустить.

И снова на экране девушка. Блондинка с распущенными волосами, с хвостом, с причёской набок. Голубые глаза, длинные пушистые ресницы. Походка тренированного бойца. Плавная, текучая.

И взгляд.

Прямой. Уверенный. Прямо в глаза собеседнику. Долгий. С вызовом и высокомерным прищуром. С пониманием своей силы. С желанием испытывать силу противника.

Мужской.

Третья боролась с миром. Бросала вызов собеседнику. Провоцировала его на необдуманные действия. И в сопернике это было интересно. А в девушке? Ещё неделю назад я бы ответил, что тоже волнует.

А сейчас я смотрел на высокомерный прищур и думал, что давно не встречал нежности в девушках. Задора полно, смелости хоть отбавляй. А вот со скромностью беда.

И сразу перед глазами встала девушка в платке, быстро отводящая взгляд чёрных глаз.

Значит, пока ещё есть. Встречается. Встретилась уже. И теперь надо не упустить.

В чём отличие?

Профессионалов уровня Нестерова единицы. Начал снайпером, стал заместителем командира отряда спецназа. Он точно понимал, кто из нас на что способен. Его задания всегда были посильной ношей. Не лёгкой, а профильной.

Но сегодня меня его распределение ролей зацепило.

— На видеонаблюдение ТЦ надежды нет. Я связывался с безопасником. По странному совпадению, — эти слова Павел Владимирович выделил голосом, — они сейчас проводят модернизацию системы. Камеры есть, видео — нет. Так что, Тигр, твоя зона ответственности — подземная парковка. На чём приехал, чем платил, куда пошёл — всё твоё. — Нестеров побарабанил пальцами по столу. — И помни, противники серьёзные. Ты ищешь их, а они тебя. Подумай, на каких местах они будут искать слежку. Туда точно не становись. Что увидел — сразу в чат.

— Так точно.

— Дальше. — Нестеров снова побарабанил. — Рапира, не тебе центральный вход. Не только остановка общественного транспорта, но и выход с наземной парковки. Оба потока сойдутся у вращающихся дверей. Но, как и от Тигра, жду быстроты реакции и своевременной передачи информации. Остальное на себя берут Каспер, Барс и Беркут.

Тройка качнулась вперёд. Нестеров ставил задачи другим бойцам.

— Каспер — берёшь на себя первый этаж. Принимаешь фигурантов от Тигра и Рапиры и ведёшь до второго этажа.

— Есть.

— Барс. Твоя зона ответственности — второй этаж. Сделай всё как ты умеешь. Не бросаться в глаза, но собрать всё, что можно найти. Обращай внимание не только на сам факт встречи. Мне нужна динамика. Малейшие зацепки поведения. Кто с кем не ладит, у кого главенствующая партия, а кто на второстепенных ролях. Мне нужны не только факты, но и твои догадки. Смотри вглубь их встречи. Дай мне максимум.

— Так точно.

— Беркут. Теперь задание для тебя. Кроме наблюдения за третьим этажом, координация операции. Если увидишь, что нужно перегруппироваться — ты старший. Цель: зафиксировать встречу всех троих, узнать, как передвигались, разобраться в иерархии. При этом остаться незамеченными. Задача ясна?

— Так точно.

— Тогда оставаться в гражданской экипировке. Действовать по обстоятельствам. Смотреть в оба. Начинать наблюдение с одиннадцати тридцати. Фиксировать только момент встречи. Остальное только при двухсотпроцентной уверенности, что не засекут. На объект добираться поодиночке. Друг с другом не общаться даже при встрече. Вернуться в отряд только после команды Беркута. Всё понятно?

— Так точно.

— Выполнять.

Мы встали на ноги и потянулись к выходу. У самой двери я затормозил, пропуская вперёд бойцов. Вернулся к столу Нестерова. Тот посмотрел на меня с интересом.

— Есть вопросы, Роман?

— Да, один, можно сказать, личный. Разрешите обратиться?

— Давай, только быстро, как ты умеешь.

Нестеров кивнул, указывая на стул за столом напротив. Я сел, сцепив перед собой руки.

— Павел Владимирович, я хотел уточнить по поводу сегодняшней операции.

Нестеров нахмурился. Отодвинул в сторону папку с документами.

— Не понял. Так по личному или по операции?

— И то и другое.

Теперь нахмурился я. Зная, что хуже дурацкого вопроса только незаданный дурацкий вопрос, продолжил.

— Я хочу уточнить: почему в нашей группе так распределились роли для наблюдения?

— Недоволен выбором командира?

Вопрос был задан тихо и спокойно. Но от Нестерова повеяло таким холодом, словно я внезапно попал в ледяной сугроб.

— Никак нет. И в мыслях не было.

— А что было в мыслях, кроме поставленной задачи?

Нестеров уменьшил свою ледяную атаку, но полностью её не прекратил.

— Опыт старшего товарища. Я хочу понять, почему я остался снаружи ТЦ.

— Для каких целей?

— Чтобы лучше понимать собственные способности на будущее. Лучше выполнять поставленные задачи.

— И всё?

— Так точно.

Нестеров качнул головой, словно прогоняя лишние мысли.

— Тогда мой ответ такой. Ты быстрее других схватываешь информацию. Видишь главное, основное. Значит, скорее заметишь фигурантов в плотном хаотичном потоке людей. Там картинка будет меняться со скоростью калейдоскопа. Нужны точечные взгляды и моментальное отсеивание ненужного. Раз, два, следующий. У тебя это сильная сторона. В работе с потоком людей ты не раз показывал лучшие результаты.

— Понял. Тогда у меня ещё вопрос. — Взгляд Нестерова был настороженным. — А можно ли было меня поменять с кем-то внутри ТЦ?

— Хочешь на чей-то пост? — снова напрягся заместитель командира.

— Нет. Я хочу понять. Бывая старшим групп, я хочу понимать, кого и куда ставить в подобной ситуации.

Лицо Нестерова смягчилось. Нет, до улыбки дело не дошло, но лупить по мне мелкокалиберными он перестал.

— Толково. Тогда мой ответ — в группе выбрано оптимальное распределение ролей. Вы с Тигром самые быстрые и чётко реагирующие в ситуации высокой скорости принятия решений. На вас входы. Каспер и Барс умеют долго просеивать крупинки информации с одинаковой интенсивностью внимания. Фиксировать мельчайшие изменения настроения, поз и — главное в сегодняшнем задании — тонкости взаимодействий.

— Я так не могу?

Нестеров отвернулся к окну и повернулся обратно уже задумчивым.

— Ты можешь. Но это тебе менее свойственно. Ты человек коротких быстрых кардинальных решений. Медленное кропотливое наблюдение тебе несвойственно. Ты можешь перебороть себя и три часа рассматривать стекающую по стене ТЦ воду фонтана. Но это будет стоить тебе больших усилий. И тогда это не просто сложное задание, а работа на преодоление. По сути, это как дать тебе автомат в свинцовом чехле. Глупая перегрузка.

Нестеров замер. Мне хотелось поблагодарить его и выйти. Но я заметил изучающий взгляд. Замком никогда не отвечал на незаданные вопросы. Значит, я что-то упустил. Но понять, что именно — не мог.

— Павел Владимирович, это не единственная причина?

Теперь губы Нестерова тронула едва заметная улыбка.

— Хороший вопрос. Да, действительно, эта причина основная, но не единственная. — Нестеров качнулся вперёд, словно собираясь открыть мне тайну. — Ты яркий. Тебя за версту видно и слышно. Тыходишь в комнату и, даже если молчишь, притягиваешь к себе взгляды. А во время длительного наблюдения надо стать незаметным. Уменьшить яркость. Стать белым листом, на котором отпечатается происходящее с фигурантом. Поэтому вы с Тигром снаружи периметра. На входе все немного слишком энергичны, суетятся, пробиваются сквозь поток. Там ваша индивидуальность не так бросается в глаза. А Каспер и Барс умеют растворяться, сливаться со стенами.

Во взгляде Нестерова появилась ясность. Я попрощался и двинулся к ТЦ. У меня в голове мелькали картинки и слова. Теперь я знал, что мне делать и чем я пугаю Алию.

И получил не просто шанс, а рабочий инструмент. Потому что я всегда действовал как Рапира, а для скромной девушки это и на входе слишком. А я хотел двигаться дальше. Входа мне было мало.

Наблюдение

В спецназ меня брал Нестеров. Он только стал заместителем командира. Можно сказать, только шагнул из строя. Но и тогда был на голову выше нас в понимании службы.

Тогда я был таким счастливым, что меня взяли после года проверок и тестов, что вообще не вникал в его слова. Я в отряде! Я прошёл! Я спецназ! И так бесконечно по кругу.

Но то, что говорил Нестеров с позывным Балуг, я запомнил почти дословно. Услышал тогда, а понимать начал только теперь. Наверное, пришло время. В работе созрел мозг.

А при приёме Павел Владимирович говорил одно и то же, только разными словами:

— Учись каждый день. Спецназ — место для умных. Постепенно твои физические данные будут подкрепляться опытом и знаниями. Ты сможешь больше. Твоя работа станет эффективнее.

И я учился. А понимание начало приходить только теперь. К ТЦ я подходил медленно, рассматривая людей. Две мамочки лет двадцати пяти стояли под огромным навесом метрах в десяти от входа. Смеялись, периодически останавливая носящихся вокруг детей.

Напротив вращающихся дверей центрального входа остановка. Людей ближе к дороге больше. Они высматривали нужную маршрутку. Передвигались нервно, хаотично. С обратной стороны те, кто встречал. Просто ждали, уткнувшись в телефоны.

Сбоку два выхода с наземной парковки. Если бы я только начал службу, встал бы сбоку от вращающейся двери. Оттуда прекрасно видно всех, кто входит. Но и я был бы замечен.

Сейчас я занял место с обратной стороны остановки. Стоя спиной к дороге, я как будто намеренно отрезал себе и поток с автобусов, и тех, кто припарковал машину на площадке сбоку. При этом всех входящих в ТЦ видел со спины.

И это было глупо и очень умно одновременно. Никто не встанет в наблюдение на такую невыгодную позицию. А значит, меня заподозрить в слежке было сложнее. К тому же я имел лучший обзор, чем у входа.

Я смотрел в тонированные стеклянные поверхности фасада ТЦ. Они увеличивали резкость объектов. А ещё, находясь в тени навеса, уменьшали солнечный свет, который на остановке бил в глаза.

Обойдя ещё раз площадку перед ТЦ, я занял точку для наблюдения, достал телефон и замер. К моей радости, над входом загорелась бегущая строка рекламы. Теперь можно было смотреть на отражение, делая вид, что читаю.

Обзор был шикарным. Но теперь мне надо было стать незаметным. Я посмотрел на свою фигуру в отражении и понял, что торчу с прямой спиной и выправкой, как гвоздь, среди ссутулившихся людей.

Присмотревшись к парню возле урны у входа, я попробовал встать так же сгорбившись и склонив голову набок. Тело запротестовало. Потом я перенёс вес на одну ногу, вторую словно приставив сбоку.

В отражении появился какой-то раздолбай. И чтобы завершить картину неприметного обычного гражданского, я достал из кармана упаковку со жвачкой и положил пару подушечек в рот.

Если бы меня в таком виде заметили на улице сослуживцы, мне бы вкатили по самое не балуйся. Офицер не может быть таким расхлябанным. Но сейчас я был гражданским. А значит, максимально расслабленным.

И моя маскировка удалась. Из шестидесят второго автобуса на асфальт выпрыгнул высоченный парень в кепке. Я моментально внутренне напрягся, внешне продолжая медленно пережёвывать жвачку с безразличным лицом.

Парень пружинисто приземлился. Сделал три быстрых шага, умело гася инерцию тренированным телом. А потом замедлился. Сделал вид, что такой же праздношатающийся, как и остальные.

Я продолжил смотреть на бегущую строку. Но вместо того, чтобы пойти в ТЦ, фигурант под номером два двинулся в бургерную напротив стоянки. А молодец! Теперь и он занял наблюдательный пост. Только внутри кафе.

Принял, понял, уяснил. Написал в чате: «Номер два в бургерной слева от входа. Джинсы, серая футболка, чёрная бейсболка». Судя по зелёным галочкам, все прочитали.

И снова я продолжил наблюдение со скучающим видом. Время от времени делал вид, что фотографирую объявление на бегущей строке и кому-то отсылаю. Привалился спиной к остановке.

Девушку я заметил в ту же секунду, как она вынырнула из-за угла ТЦ. Стремительная, с гордо поднятой головой. Эта не оглядывалась и не всматривалась в людей. Она была выше всего этого.

Сейчас она была в летнем длинном сарафане с красными цветами по белому полю. Я сфотографировал отражение девушки, пока она была боком. Выслал в чат с пояснением: «Номер три. Белое платье с цветами. Входит».

Каспер тут же шлёпнул «ок», и я снова вернулся к телефону, не глядя на фигуранта номер три. Жевать жвачку мне уже надоело, но она добавляла расхлябанности, поэтому выбрасывать сладкую резинку я не торопился.

Не спешил и второй. Только убедившись, что никто перед ТЦ не представляет для него угрозы, он вышел из кафе. Даже бургер не купил для прикрытия. Хотя куда потом с ним?

Фигурант номер два медленно подошёл к вращающейся двери. Он несколько раз бросил взгляд на парня у входа и только потом шагнул внутрь. Я сделал фотографию в спину и скинул в чат.

«2 и 3 принял», — отписался Каспер.

«Первый со стороны подземного паркинга. Светлые брюки, голубая рубашка в клетку» — от Тигра.

«Принял» — от Каспера.

Оставаясь на площадке перед ТЦ, я медленно прогулялся до парковки, с которой вышла Третья. Сфотографировал стоящие там машины с номерами, делая вид, что ловлю связь. Скинул в чат.

«Роман и Владислав свободны», — прилетело от Нестерова. Я поставил эмодзи отдающего честь и повернул в сторону бургерной. Нет, есть я не собирался. У меня появилась возможность продолжить наблюдение.

Жвачка полетела в урну. Походка стала мягкой, но не расхлябанной. Я вошёл в детский центр «Солнышко» через боковой вход. Сразу поднялся на второй этаж и только оттуда осмотрел цветочный киоск.

За прилавком было пусто. А вот за столиками перед ним сидела детвора. Мальчишки и девочки дошкольного возраста что-то увлечённо мастерили. Между ними лавировала тонкая стройная фигура в длинном чёрном платье и бежевом платке.

Я встал так, чтобы меня не было видно снизу, и как зачарованный рассматривал Алию. Ловил каждый жест, замечал, как она улыбалась детям. Кивала, помогала, успокаивала.

Мне нравилась эта картинка. И девушка трогала до глубины души. В какой-то момент она замерла, словно почувствовав мой взгляд. Подняла голову и посмотрела ровно туда, где я стоял. В груди зазвенело от напряжения.

Хочу шишку!

Алия смотрела точно в то место, где я стоял. Я задержал дыхание. Потом внутренне улыбнулся. Она не могла меня видеть, я хорошо выбрал точку обзора. Но ощущение, что меня заметили, было похоже на реакцию новобранца. Но я-то уже натренирован, поэтому справился.

Словно услышав мои мысли, девушка покрутила головой. Было видно, что она ищет из всех сил. Но потому я и спецназ, чтобы быть скрытым даже на виду. И когда Алия растерянно качнула головой и склонилась к малышке за столом, улыбнулся.

Мне хотелось бежать дальше. Спуститься туда, подойти и заговорить. Потому что стоять на втором этаже и смотреть было совершенно невозможно. Она там, а я?

А мне надо было не просто увидеть, что Алия занимается с детьми. Я теперь хотел всё про неё понять. Чем живёт? Что её вдохновляет? Чего хочет? От чего приходит в восторг.

И это было против моей порывистой сущности. Но я готов был мириться, потому что рассматривать Алию было приятно. С детьми она была искренней. Не пряталась за прилавком, подходила близко.

Я не мог рассмотреть, что именно они мастерят. На одном из столов увидел сухую ветку. Что-то из природных материалов, которые стояли на столах в коробочках и пакетах?

Но это было не так важно. Главным для меня была сама Алия. Она не раздражалась, когда малышня капризничала или не справлялась. Меня увлекала картинка её взаимодействий с детьми.

Малышку с разноцветными резиночками на кудрявых хвостиках девушка часто брала за руку и мастерила при помощи её пальчиков. Показывала и обучала своими руками.

Когда подходила к вёрткому мальчишке, долго разглядывала его работу. Потом выпрямилась, покачала головой, а потом что-то говорила с очень серьёзным лицом.

Я стоял сбоку и прекрасно видел, как сначала мальчик отталкивал от себя поделку. Он резко мотал головой и ёрзал на стуле. А потом, словно загипнотизированный кивками Алии, успокоился. Сел ровно, а потом спокойно продолжил мастерить. Девушка ему кивнула и продолжила помогать другим детям. Мастер-класс продолжался. Малыши были увлечены, и я готовился к окончанию занятия.

Но вместо «Спасибо, все молодцы» случилось непредвиденное. Девчушка с хвостиками начала плакать. Она оттолкнула от себя поделку и начала стучать кулачками по столу.

Алия кинулась её успокаивать. Сбежались мамочки детей. Все пытались справиться с обиженной девчушкой. Но та рыдала, мотая головой, и отталкивала всех, кто пытался помочь.

Алия плавно поднимала и опускала ладони, словно птица, машущая крыльями. Но малышка не могла успокоиться. Мать подхватила её на руки, и та продолжала реветь на плече. Остальные собирали вещи, активно жестикулировали.

Мамочки забирали детей вместе с поделками, а Алия с поникшей головой сдвигала столы на место. Собирала коробочки и ножницы на прилавок. По склонённой голове девушки и опущенным плечам я понимал, что она расстроилась.

Не успел ни о чём подумать, как ноги уже понесли меня вниз. Затормозил уже на лестнице. Нельзя к ней! Снова напугаю. И что тогда? Окончательно сбежит, а я не для того кругами хожу.

Замедлив спуск, вышел на первый этаж. Но свернул не в общее пространство детского центра, а к выходу. И там почти столкнулся с белокурой мамочкой, держащей на руках кудрявую девочку.

Дочка плакала безутешно. Она гудела на одной ноте, изредка всхлипывая. Блондинка пыталась успокоить девочку:

— У тебя получилась красивая рамочка.

— Не-е-е-ет! — плакала в ответ девочка.

— Мы вставим туда зеркальце, и ты сможешь смотреться сама или куколкам поставишь.

— Не-е-е-ет!

— Миланочка, мы покрасим её лаком для ногтей, и будет ещё лучше. Мне очень нравится твоя рамка.

— А мне не нравится! Не нравится! Без шишки она некрасивая!

— И без шишки красивая, — успокаивала мама.

— Нет! У Влада с шишкой, у Лизы с шишкой, а у меня бе-е-ез!

Девочка заплакала сильнее. Неловко перехватив ребёнка, блондинка уронила сумку. По полу рассыпались вещи. Раскатились карандаши и косметика. Я наклонился, чтобы помочь.

Мать озабоченно улыбнулась.

— Спасибо вам, — сказала она, когда я передал ей сумку.

— Не за что. Могу ли я вам чем-то ещё помочь? — спросил я, качнув головой в сторону ребёнка.

Мать сначала отрицательно замотала головой, а потом посмотрела внимательно.

— Можете. Миланочка, покажи, пожалуйста, дяде свою рамочку для зеркальца.

Девочка, ещё продолжая всхлипывать, повернулась в мою сторону. Я нацепил на лицо самую обворожительную улыбку.

— У вас есть рамочка? Для зеркальца? Правда?

Девочка вытерла слёзы пухлой ладошкой. Уставилась на меня голубыми глазами в обрамлении густых чёрных ресниц, как у Алии.

— Есть, — она снова всхлипнула. — Только без шишки.

— А посмотреть можно?

Девчушка взглянула на мать. Та кивнула с энтузиазмом. Малышка протянула мне руку, которой обвивала шею матери, и я увидел её поделку. На круглой основе, напоминавшей плоский браслет, был наклеен узор из природных материалов.

— Как красиво! — искренне восхитился я. — Ты это сама сделала?

— Сама. — Девочка посмотрела на мать, а потом продолжила смущённо: — Тётя Алиа мне помогала. Тут и семечки есть, и зёрнышки. А вот это, — она ткнула своим крохотным пальчиком в коричневый сухой цветок, — это бадьян.

Я любовался поделкой. Обычно мне такое вообще не нравится. Но на картоне был выложен красивый, продуманный рисунок. В нём переплетались причудливые цветы и похожие на листочки зёрна. И меня это завораживало.

— Красиво! Мне очень нравится!

— А мне не нравится! Не пойду больше к ней! У неё нет шишки!

Девочка снова уткнулась матери в плечо. Блондинка расстроилась.

— Но тебе же нравится у тёти Алии.

Дочка подняла голову и тряхнула хвостиками с разноцветными резинками.

— Без шишки — не нравится!

У меня в голове мелькнула идея. Алиа совершенно точно радовалась, занимаясь с детьми. Да и малышне нравилось мастерить поделки. Поэтому я ринулся в атаку.

— А если на следующем занятии у тёти Алии будут шишки?

— Не будет, — буркнула девчушка. — У неё закончились, и взять негде. Она сама сказала.

— А если я принесу?

Девочка с мамой разом посмотрели на меня с надеждой.

— Шишки? — уточнила младшая.

— Шишки.

— Настоящие?

— Настоящие.

— Тогда приду.

Она милостиво кивнула головкой. Я перевёл взгляд на блондинку.

— Когда надо?

— В среду. У них занятия в понедельник, среду и пятницу. — Она посмотрела на меня сердито. — Только вы не обманывайте, пожалуйста. Милана ещё больше расстроится. Она не любит, когда обманывают.

— Я тоже не люблю. Поэтому приходите в среду. Шишки будут, — сказал я и бегом бросился в отряд.

Потому что я привык выполнять обещания. А шишки для кружка Алии собирался добыть, даже если все ёлки в округе внезапно исчезнут.

Сначала семья

Работа в детском центре «Солнышко» нравилась мне в любой день недели, но особенно в понедельник, среду и пятницу. Ко мне приводили деток, и пока мамочки пили кофе или ходили по магазинам, мы мастерили.

Это как-то случайно вышло. Заказы на букеты я собрала и мастерила для Самиры свадебные украшения. Сначала ко мне подошёл Владик, спросил, что делаю. Потом Милана с Савелием. Так и пошло.

И всегда были восторг и радость. Нравилось мастерить, любоваться результатом и просто общаться с детьми и их мамочками. После этих занятий хотелось делать что-то новое, необычное.

Каждый мастер-класс был успешным и радостным. И сегодняшний не был исключением. Но сначала Савелий расстраивался, что забыл дома сушёный цветок, и я потратила много сил, чтобы вдохновить его продолжить работу.

А потом меня сковало чувство, что за мной наблюдают. Не в высшем смысле, а прямо тут. Левую щёку обжигало от ощущения слезки. Я чувствовала чей-то внимательный взгляд. Не наглый, но безотрывный.

Как у парня с букетом. У Романа.

Сердито поджав губы, я отрицательно качнула головой. Никто за мной не наблюдал. Я проверила. Посмотрела на второй этаж. Там, кроме отдела с развивающими играми, ничего не было. Продавщицу Лену в слезке заподозрить было нельзя.

А после слёз Миланы я и вовсе приуныла. Дети очень ранимые, а у меня не оказалось шишек на всех. Да и не нужны они были на такие маленькие поделки! Слишком выделялись на почти плоской поверхности.

Но у детей был свой идеал.

Сначала шишку захотел Влад. Лиза тут же повторила. Милана потянулась следом, но ей не хватило. Она так искренне расстроилась, что не сможет прилепить к своей аккуратной работе торчащего во все стороны коричневого монстра.

Девочка рыдала так громко, что её было слышно во всём детском центре. Убирая со столов, я слышала её крики. Потом они стихли. Глядя в сторону витражных окон, я боялась увидеть рыдающего ребёнка.

Но Милана с мамой никак не выходили. Я уже начала думать, что пропустила их в самом начале. Может, пробежали со слезами, пока я собирала ножницы и коробочки.

Но через некоторое время я увидела счастливую парочку. Улыбающаяся мама вела за руку хохочущую Милану. В ладошке та держала рамочку, которую мастерила на моих занятиях.

Меня это удивило. Мама Миланы плохо справлялась с её слезами. А тут они обе смеялись. Я замерла в удивлении, внимательно рассматривая обеих. И не успела среагировать, когда позади них проскочил парень, ужасно похожий на Романа.

Да что ж такое! Он что, всегда теперь мне будет мерещиться?

Едва дождавшись окончания смены, заторопилась домой. Сразу же подступилась к маме.

— Мы можем съездить в парк?

— Зачем? — удивилась мама, ставя на стол тарелку с разогретым супом.

— Мне очень нужны шишки для занятий. Сегодня одной девочке не хватило, и она плакала на весь детский центр. Мне было так неловко, что не было шишек на всех деток.

Мама поджала губы. Она поставила на стол плетёную тарелку с лепёшками. Придвинула ложку и зелень в блюде.

— У Самиры свадьба. Тётя Зухра с тобой поехать не сможет. Я стараюсь успеть с вышивкой на постельном белье. Завтра у папы будут гости. Так что нам с тобой головы не поднять эти дни.

— Может быть, попросить папу? Он же будет ехать мимо парка. Мне много не надо. Штук пять или семь.

Мама поставила ещё одну тарелку. Молча положила ложку и села рядом. У неё был безэмоциональный взгляд. Когда мама злилась или ругалась, мне было понятнее. А когда смотрела, словно заранее сдавшись, внутри всё сжималось от отчаяния.

— И как ты ему объяснишь, зачем уважаемому человеку искать в парке шишки, отбирая их у белок?

Мама посмотрела на меня, ожидая ответа. Сегодня её роскошные чёрные волосы были заплетены в косу. Папе так нравилось. Иногда он говорил, что пошёл за маминой косой в институте.

— Я скажу, что мне это надо для занятий с детьми.

— Занятий вне дома?

Теперь губы поджала я. Мне было известно наперёд, что скажет мама и как отреагирует папа на мою просьбу. Семья мужчине для отдыха и покоя. Он обеспечивает нас, тяжело работая.

Мы же должны содержать дом в чистоте, радовать папу вкусной едой и обеспечивать покой. Все наши хотелки должны решаться внутри дома, а не ложиться на плечи отца дополнительной ношей.

Я шумно втянула воздух. Захотела запротестовать. Сказать, что я и так ничего не прошу. Младшая дочь младшего сына. Но посмотрела в мамины голубые глаза — и опустила голову.

Потому что ни она, ни я на это никак не могли повлиять. Все очень сейчас заняты. Мы должны трудиться на благо семьи. Сейчас не время. Да и шишки не для еды и не для учёбы. Это мой личный бесплатный мастер-класс.

А всё, что не касается благосостояния и мира в семье, в расчёт приниматься не будет. И в маминых глазах всё это было отголоском миллиона разговоров с одним окончанием: займись домом, меньше будет ненужных мыслей.

Мама была русской, но уже насквозь пропиталась укладом семьи. Но я ещё застала времена, когда и она хотела работать. Папа уговаривал и объяснял. И когда братья повзрослели, мама сосредоточилась на мне.

— Ты постепенно привыкнешь, Алия. Чужие дела только после семейных. А у нас и свадьба, и гости. Когда ты соберёшься замуж, все будут стараться успеть к твоему празднику. А пока на очереди другие вопросы. Так что давай пообедаем и пойдём делать заготовки на завтрашний ужин. Людей будет много, и все из своих. Надо закрыть скатерть, чтобы не было стыдно перед людьми.

Я молча кивнула. Чтобы от стоящих тарелок не было видно скатерти, готовить придётся много. Спорить с мамой было невозможно. Но в груди жгло от понимания, что в среду дети снова будут плакать, и я ничего с этим не смогу сделать.

Тыл

В конце рабочего дня я рванул на лестницу.

— Сань, Са-ня! Свиридов!

Я перепрыгивал через три ступеньки, чтобы догнать сослуживца.

— Что у тебя, бешеный? — удивился боец.

— Мне шишки нужны, — выпалил я, когда догнал Саню на лестничной площадке первого этажа.

— На лбу? — не удержался от подкола он, продолжая топтать по коридору.

Я, лавируя между идущими навстречу бойцами, продолжил:

— Нет. Нужны обычные шишки, с деревьев. Ты же недавно куда-то мотался за ними для поделок в школу.

— Было дело. Только не за шишками, а за желудями. И не в школу, а в детский сад.

— Да какая разница?

— Не скажи, — Саня с интересом посмотрел на меня. — Это пока ты свободный волк и прочая фигня, тебе и жёлудь шишка, и клубника ягода. А как женишься, там тебе расскажут про разницу между лососёвым и персиковым, мокасинами и лоферами.

— Чего? — не понял я.

— Того, — ответил Саня под дружный хохот окружающих. — Ты подробности давай. Какие тебе именно шишки нужны?

— Коричневые! Или тебе оттенок нужен? Ты давно во всём этом разбираться начал? Может, у тебя и носки под цвет глаз? — начал заводится я.

— Может, и под цвет, — миролюбиво согласился Саня. — Я точно не знаю. Мне жена покупает. Я не присматриваюсь. А вот с шишками разбираться надо. Они все разные. Ель одно, а сосна другое. Если пихта нужна, это вообще третье. Они и растут в разных местах. Мы осенью за ними ездили по всему городу. Ели нашли. А из разных шишек и сделать можно разное. Тебе они для чего?

Я подвис.

— Шишки, они и в Африке шишки. Мне на рамочки для зеркала надо. Не делай мне голову, помоги лучше.

— У-у-у-у... — протянул Саня. — То есть чёткой задачи у тебя нет. Ну что, сочувствую.

Свиридов достал из шкафа гражданскую одежду. Расстегнул спортивный костюм и начал переодеваться. Я со своей одеждой пристроился на лавочке рядом.

— Ты меня, Саня, не путай. Говори, какие варианты есть.

— Да разные. Если тебе нужны сосновые шишки, это за город. Если еловые, которые мягкие, то в парк. За пихтой придётся ехать к Центральному ТЦ. Там на аллее есть несколько деревьев. Вот такой расклад. Ты позвони, уточни, какие тебе именно нужны шишки. А то умотаешься по городу рыскать.

Я стянул футболку и сел на лавочку, чтобы переобуться.

— Некому звонить. Я пообещал принести шишки на занятие кружка, мимо которого проходил. И теперь к среде должен ребёнку что-то шишкообразное. Какое именно — понятия не имею. Не знал, что есть разница. Девочка плакала, и я пообещал её матери добыть шишечек.

Свиридов хмыкнул

— Мамашка зачётная?

— Да ничего так. Нормальная. Я не сильно разглядел. Блондинистая такая.

— И телефон не дала?

— Да я не спрашивал, Сань. Нафиг он мне сдался?

— Думал, ты перед ней хочешь себя показать. Ну нет так нет. — Он замер у открытого шкафа. — Может, позвонить их руководителю? Тот спросит у преподавателя, и ты принесёшь именно то, что нужно.

А вот это было лишнее. Мне нужно было добыть шишки так, чтобы Алиа о них ни сном ни духом не знала. Принесу, отдам, и дело с концом. Начну спрашивать — точно нарвусь на запрет и какие-нибудь нарушения.

— А если не спрашивать, как тогда? — уточнил я.

— Тогда надо собирать как минимум три вида, а это долго и в разных местах.

— Сегодня понедельник. Успеем, если начнём сейчас. Давай начнём с того, что дальше.

Поможешь собрать?

— Какой вопрос. Конечно, помогу. Мои как раз уехали к тётке.

— Тогда сейчас и махнём?

— Давай.

Мы быстро собрались и двинулись на стоянку. Но и пока мы прощались с сослуживцами, и пока устраивались в Саниной машине, он посматривал на меня, словно хотел что-то сказать, но не решался. Когда мы вырулили на проспект, я спросил:

— Говори уже — что там у тебя?

— Да там не о чем. Надеюсь, что ты нашёл женщину с ребёнком и у тебя налаживается в личном плане.

— А женщина с ребёнком — это «налаживается»?

— Ну да. Они обычно уже не такие сумасшедшие. Спокойнее, больше ценят настоящую жизнь. Не провоцируют мексиканские страсти на ровном месте.

— И ты думаешь, мне нужна такая? Чтобы без фейерверков?

— Уверен в этом. Как вспомню твою бывшую, так волосы дыбом.

— Ты её один раз видел. Неужели так впечатлила? — удивился я.

— Да на всю жизнь! Была с нами два часа, а я почти поседел. Сначала чуть не грохнулась в костёр, потому что пришла на пикник в туфлях на каблуках. Потом крутила перед всеми пятой точкой. Цепляла парней и тебя выводила на ревность. А потом чуть не перевернула котелок с шуломом. При этом задев своим высокомерием Ахмада.

— Разве?

— Да точно тебе говорю. Она когда ему заявила, что мужчины готовить не умеют, думал, что у него пар из ушей пойдёт, а ей хоть бы хны. Пофиг и на него, и на тебя, и на остальных. Плохо так говорить, но я рад, что у вас не вышло. С ней не сейчас, так потом бы тоже ничего не получилось.

— Да ну, может, она бы позже стала спокойнее.

— Не стала бы. Да и громкость и беспардонность — не самое в ней было ужасное. Она не понимала, кто свой, а кто чужой.

— Потому что мы все на пикнике были своими? — спросил я, но в глубине души понимал, что Саня говорит то, что я и сам часто думал.

— Нет, конечно. Мы семья, но девушка у каждого бойца своя. И она за него горло порвёт. А Марина тебя с нами намеренно славлила, вызывая ревность. Спецназовцу такая не нужна. Просто представь, что кто-то на неё повёлся бы. И что тогда? Вражда в отряде из-за женщины? Проблемы на задании из-за недоверия? Кому это нужно? Думал, она тебя доконает.

Я промолчал. После нашей поездки на пикник мы с Мариной и расстались. Не потому, что она ошиблась и повела себя как-то не так. А потому, что после моего неудовольствия не поняла, что случилось.

«Да чё такого?»

А «такого» было выше крыши.

— Ты себе спокойную ищи. Чтобы дома было тихо. Чтоб с задания в свой домашний тыл, а не на вторую войну. Чтоб жена не долбала, а поддерживала. Знаю, что лезу без спросу, но ты подумай. У тебя и до Марины была такая же, без понимания. Такие — только нагрузка и проблемы. А спецназовцу нужен тыл.

Саня нахмурился и качнул головой, словно расстроившись, что сказал лишнее. А я вспомнил, как меня напрягала Марина. И подумал, что именно это мне в Алие и нравится: тишина и стремление к миру.

А ещё понял, что никогда с такими не встречался. И теперь желание строить жизнь с такой девушкой стало ещё сильнее.

Гости

В нашем доме гости бывали редко, не то что у дяди Жамала. Он был старшим братом папы, а значит, жил с родителями. После смерти отца — только с мамой. Но в их дом приходили гости и самого дяди Жамала, и моего деда.

А к нам навевались только наши. Поэтому встречи в нашем доме обсуждали потом месяцами. Что стояло на столе, какой сервиз достали, вовремя ли подали горячее, ровно ли сделали защипы теста, в чём вынесли соус.

Мама не показывала вида, но её это ранило. Она старалась быть спокойной и деловой. Но я замечала, как начали напрягаться её плечи и хмуриться брови. Она по многу раз перепроверяла заготовки на соль и жёсткость. И снова хмурилась.

Мы лепили, варили, резали и натирали до поздней ночи. А утром снова встали к плите. В холодильник давно всё перестало уместиться. Но мы уже давно отработали охлаждение еды на праздники.

Включив кондиционер в гостевой комнате на полную мощность, мы носили туда тарелки с закусками, заранее обернув их в пищевую плёнку. Салаты оставляли в холодильнике. Их ждали заправка и вымытая и чистая посуда для сервировки.

Я вымыла полы во всём доме. Но перед самым приходом гостей мама отправила меня с тряпкой протереть крыльцо ещё раз. Я не возражала. Видела, что она уже не ходит, а бежит от стола к столу. Нервно прикусывая губы.

Хиджаб, чтобы не мешали концы, она заколола назад. Но умудрялась теребить время от времени рукав. Это волнение передалось и мне. Оно смешивалось с огорчением от приближающейся среды.

Да и времени на размышления у меня не было. Только и успевала тереть, резать, мыть и накрывать на стол. И когда папа вернулся с гостями, я спокойно выдохнула.

Я украдкой выглянула из-за занавески. В дом отец проводил двоих мужчин приблизительно его возраста и двоих парней лет двадцати пяти — тридцати. Один из них был выше остальных и, стоя против света, напомнил мне Романа.

Только плечи у него были поуже. А когда он посмотрел в сторону моего окна, я отпрянула, стараясь не попасться на глаза. Глаза гостя были другими. Тёмными, не как у Романа.

Да сколько уже можно? Хватит уже вспоминать этого наглеца!

Мама побежала выставлять блюда на стол. Я внутренне улыбнулась. Моё дело теперь было быстро мыть посуду и быть у мамы на подхвате, не выходя к гостям.

Я слышала мужские голоса, смех, мамины шаги. А сама, рухнув на стул, думала, что сейчас мужчины поговорят, и мы с мамой рассортируем оставшуюся еду и посуду.

А завтра я пойду на работу на весь день, в середине которого придут дети, и у меня снова не будет шишек. Милана заплачет, а Влад будет дразнить её своей рамкой для фотографии.

Чтобы как-то переключиться от разрывающих меня мыслей, я побежала в гостевую за закусками. Подхватила блюдо с соленьями — и едва не столкнулась в коридоре с высоким парнем.

Мы оба ойкнули и отпрыгнули в стороны. А потом хором сказали:

— Простите, пожалуйста.

Я опустила глаза и попятилась в сторону кухни. Парень выпрямился, но за мной не пошёл. Внутренне я сжалась от предчувствия разговоров о том, как я нескромно поступила и как неловко столкнулась с гостем.

Мне стало безумно стыдно и жалко себя. Как так? Почему я так бездарно опозорилась? Ведь всё было хорошо, но я снова умудрилась сделать ошибку на ровном месте.

Слёзы подкатили к глазам. Я попыталась их сдержать, но одна, с неприятным звуком начинающегося дождя, приземлилась на плёнку, покрывающую солёности. Я стиснула челюсти.

— Асаламу алейкум, — сказал парень, не делая попытки приблизиться.

— Ваалейкум ассалам, — ответила я тихо, продолжая пятиться.

Мне надо было сделать над собой усилие, чтобы молча дойти до кухни и скрыться там, ожидая недовольства матери и порицания отца. Но парень успел задать вопрос:

— Простите, сестра, а где я могу помыть руки?

Ну, серьёзно? Ему же сказали, когда он выходил из-за стола. Но я не рискнула это произнести. Бочком прошла в сторону санузла и, не поднимая глаз, рукой показала на его дверь.

В моей душе бушевал ураган от стыда за совершенную ошибку. Что теперь подумают люди? Что о нас скажут. Папе — что не смог воспитать достойную дочку. Или что я любопытничала за гостями?

Я снова продолжила пятиться к кухне. И пока не дошла до открытой двери, парень молчал. А когда уже сделала шаг из коридора, негромко, но так, чтобы я услышала, сказал:

— Сестра, я вас не видел.

Я забежала на кухню, тихо затворила за собой дверь. Поставила на стол блюдо с солёными и расплакалась. Утирала слёзы и ругала себя за то, что так глупо подставилась. Сердилась на этого парня, так не вовремя вышедшего из зала.

Если он меня выдаст, будет позор и разговоры на год вперёд. А если не проболтается, то у него в руках будет моя тайна, которую он сможет использовать в любой удобный момент. Это несправедливо!

Я едва не зашипела от разочарования. Но ещё хуже самого горя — разговоры о нём. Чтобы не расстраивать маму, я умылась и протёрла лицо ледяным кубиком отвара трав из морозилки. И встала к раковине мыть посуду.

Но работа не успокаивала.

Мама забежала с полным подносом грязных тарелок и салфеток. Велела вымыть и протереть насухо. Судя по сосредоточенному лицу и полному ко мне безразличию, недовольства за столом не было.

Весь вечер мы бегали, накладывали, мыли и носили. А когда гости уехали, на кухню зашёл отец. Он выглядел очень благодушно. Было видно, что встреча его удовлетворила.

Отец захотел чая. Мы с мамой наперегонки грели воду, насыпали заварку и ставили на стол сладости. Папа смотрел на нас с умилением, а потом совершенно без вступления сказал:

— Самандар — хороший человек. Тот парень, который выше. Он двоюродный брат жениха Самиры. Работать умеет, не женат. Было бы хорошо с ним породниться. С его отцом у нас намечается сотрудничество. Он и на свадьбе будет. Может быть, ему наша Алия приглянется. Посмотрим.

И меня охватило необъяснимое волнение. Появилось ощущение, что всё уже решили, только мне пока не рассказывают.

Всё меняется

Меня штормило от усталости. До самой поздней ночи мы с мамой скребли и мыли, а утром мне надо было успеть на работу к восьми. А если учесть, что спала я после столкновения с Самандаром плохо, то и в детский центр едва приползла.

Сразу начала собирать заказанные букеты и ставить их в вазы на полках. Но в голове звенело от предчувствия детского мастер-класса. Из дома вчера я даже не могла позвонить. Сейчас же развернула бурную деятельность.

Сначала пробежала по студиям детского центра. Там нашлись сушёный папоротник, цветы и семечки. Даже несколько желудей. Но шишек, как назло, не было.

Потом я позвонила двум одноклассницам. Мы все учились заочно, а они ещё и работали с детьми. Но ни у них самих, ни в парках поблизости шишек найти не было возможности.

Я снова принялась собирать букеты, когда услышала знакомый голос:

— Насилу до тебя дошли. Далеко же ты забралась.

— Тётя Зухра!

— Она самая. Да не одна. И бабуля к тебе в гости пожаловала, и наши будущие родственники.

Она метнула взгляд в сторону, и я обомлела. Рядом с мамой Самиры стояла, тяжело дыша, наша бабуля. Под руки её держали жених Самиры Заур и его двоюродный брат, с которым я столкнулась накануне.

Бросив цветы на прилавок, я кинулась к бабуле. Придвинула ближе к ней стул и стол для опоры. Помогла сесть. Бегом вернулась к своей сумке, вынула оттуда бутылочку с водой и налила в кружку. Принесла бабушке.

— Ох, спасибо, Алия. Хотела на базар сходить с Зухрой, но устала.

— Да зачем же? Самира бы всё принесла, или я бы прибежала.

Бабуля посмотрела на меня укоризненно, а потом перевела взгляд на будущих родственников. Значит, дело было вовсе не в её желании прогуляться. Я внутренне съежилась.

— Я хотела посмотреть на букеты, которые вы выбрали на свадьбу.

— Да, бабуля, сейчас покажу.

Перед тем как побежать за альбомом, я сдвинула два стола. Принесла дополнительные стулья. Усадила тётю Зухру и Заура с Самандаром. Себе стул не поставила, оставив место у стола, как на мастер-классе.

Судя по сдержанным кивкам тёти и бабушки, им я своим поведением угодила. Поэтому подлила в чашку воды и отправилась за фотографиями выбранных композиций.

Раскрыла альбом и начала листать.

— Вот такие композиции установим на вашем столе. Они плоские и не будут загораживать молодых. А на остальных семнадцати столах будут высокие вазы и вот такие букеты. На салфетках и на вазах мы будем использовать вот такие украшения.

— А откуда они возьмутся? — спросила бабушка, явно желая меня разрекламировать.

— Я их уже почти полностью сделала. На салфетки кольца уже готовы.

— Мы их уже сложили и накрахмалили. Остались украшения на вазы. Их много осталось?

— Две, и для букета невесты. Всё будет готово в срок, — ответила я.

И снова по едва заметным кивкам тёти и бабушки поняла, что всё сделала правильно. На парней я не смотрела, но их взгляды ощущала почти осязаемо. Рефлекторно проверила, не сполз ли хиджаб.

Всё было тихо и размеренно. Я ждала, что сейчас все вежливо покидают и уйдут, но ошиблась. Заур придвинул к себе альбом, пролистал от букета невесты до украшения столов и заявил:

— Мне такие букеты не нравятся. Надо заменить это пушистое на розы.

Я посмотрела на Заура, словно ища признаки шутки. Но он был серьёзен. Можно сказать, почти рассержен. Я опустила взгляд, едва мазнув по лицу Самандара. Тот смотрел на брата едва ли не с гордостью.

Бабушка с тётёй Зухрой сидели насупившись и в разговор вступать не собирались. Я растерялась от внезапной перемены.

— Но так сделать не получится, — начала я, аккуратно подбирая слова. — Чтобы заменить альстромерии и гипсофилы, придётся делать совсем другие букеты. И вазы с подставками понадобятся другие.

— Не надо ничего менять. Просто вынуть пушистые и вставить на их место розы. Только поменьше бутончики. Как в крайних вазах у вас.

Заур кивнул в сторону прилавка.

— Кустовые?

— Кустовые, — подтвердил жених Самир. — Обычные в середине оставить, а по краям вместо пушистых веток кустовые розы.

У меня внезапно стало темно перед глазами. До свадьбы меньше трёх недель. Всё сто раз обговорили и даже примерили. Собрали тестовый букет и вазы заказали.

— Но так не получится, — попробовала возразить я. — Каждый цветок имеет свою длину, твёрдость, гибкость, вес. Они по-разному крепятся. Им нужна разная глубина вазы.

— Вот и размести правильно.

— Но Самира любит альстромерии! — я попробовала зайти с другого конца.

— Я оплачу только розы, — ответил Заур. — Тем более что сестра моей невесты рукодельница и флорист. Она всё сделает наилучшим образом.

Я взглянула ему в глаза и увидела, что комплиментом он решил прикрыть свою непримиренность. Вокруг собирались люди, и Заур не планировал позорно сдаться. Тётя Зухра с бабушкой на меня даже не смотрели. А вот Самандар разглядывал, не стесняясь.

Он не отводил взгляд, так же как Роман. Но в его взгляде не было тепла. Только любопытство. Он словно ставил эксперимент над бабочкой. Что будет, если ей опалить крылья: взлетит или нет? И позиция брата Самандару была близка.

Меня затошнило от бессилия и понимания, сколько работы надо будет сделать из-за желания Заура показать, кто главный. Закружилась голова. Я вцепилась в край стола, стараясь не упасть.

Вокруг собрались дети с родителями на мастер-класс, но я понимала, что не смогу проводить родственников. «Сначала семья», вспомнила я мамины слова. Но от этого сейчас стало ещё противнее.

Словно ища выход из этого беспросветного лабиринта мыслей, я скользнула взглядом по окружающим. На меня смотрели с нетерпением и раздражением. И только голубые глаза, возвышающиеся над толпой, согревали теплом.

Роман!

Он смотрел, сердито сдвинув брови. Но я видела, что ко мне его плохое настроение не относится. Он замер, поймав мой взгляд. Едва заметно улыбнулся уголками губ.

Решительно двинулся сквозь толпу в нашу сторону. Заговорил сразу громко и чётко, привлекая к себе внимание:

— Уважаемые гости детского центра «Солнышко», — он выдержал паузу. Дождался, когда стихнут голоса и все взгляды повернутся в его сторону. — Прошу минуту внимания.

Моё сердце лупануло по рёбрам и пропустило удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.